

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Пролейтесь, слезы, из пустых глазниц!
Отныне вечно буду слышать я
Тоскливый крик полночных черных птиц,
Изгнание, одиночество... тоска.*

Глава 1

Во вторник, одиннадцатого октября 1988 года, развлекательная программа Джейсона Тавернера закончилась на тридцать секунд раньше положенного. Оператор запустил последнюю заставку и помахал из своего пластикового колпака уходящему со сцены Джейсону Тавернеру — вначале выразительно постучал по запястью, затем показал на рот.

Джейсон мягко произнес в микрофон:

— Шлите нам свои открытки и поздравления. А теперь вас ждут «Приключения Замечательного Пса Скотти».

Оператор улыбнулся, Джейсон улыбнулся ему в ответ, после чего изображение и звук отключились. Часовая музыкально-развлекательная программа, занимающая второе место среди лучших телевизионных шоу года, завершилась. И все прошло как надо.

— Где же мы потеряли полминуты? — спросил Джейсон у приглашенной на вечер звезды Хизер Гарт. Вопрос не давал ему покоя. Джей-

сон любил рассчитывать свои программы по секундам.

— Да все нормально. — Хизер прикоснулась прохладной рукой к его слегка вспотевшему лбу и нежно погладила песочного цвета волосы.

— Ты сознаешь, какой властью обладаешь? — сказал импресарио Ал Блисс, подойдя к Джейсону, как всегда, слишком близко. — Тридцать миллионов человек смотрели сегодня, как ты застегиваешь молнию на брюках. Это своего рода рекорд.

— Я каждую неделю застегиваю молнию, — ответил Джейсон. — Это мой фирменный жест. Или ты еще не заметил?

— Но тридцать миллионов! — Круглое красное лицо Бласса покрылось капельками пота. — Подумай!.. Это по самым грубым подсчетам...

— Я скорее умру, чем дождусь, пока ваши подсчеты принесут хоть какую-нибудь прибыль.

— Смотри, чтобы ты не умер сегодня. Толпа поклонников готова разорвать тебя на кусочки размером с почтовую марку. Между прочим, в толпе немало и ваших поклонников, мисс Гарт, — добавил Блисс хриплым, как у собаки, голосом.

— Черт бы их побрал, — недовольно проворчала Гарт, — почему они не расходятся?

Неужели им нельзя пришить какое-нибудь нарушение закона? Хотя бы загрязнение улиц?

Джейсон сжал руку женщины, стараясь привлечь ее внимание. Он никогда не понимал ненависти Хизер к поклонникам. Для него они являлись доказательством популярности. А популярность была для Джейсона смыслом жизни. Точка.

— С таким отношением тебе не следовало идти на эстраду, — говорил он. — Бросай это дело. Иди в социальную службу. Смотрителем в принудительный трудовой лагерь.

— Там тоже люди, — мрачно ворчала она. Двое полицейских с трудом проложили себе дорогу в толпе и приблизились к Джейсону и Хизер.

— Пока еще можно пробиться, — просипел более толстый. — Советую поторопиться, мистер Тавернер. Иначе публика из студии перекроет боковые выходы.

Он махнул рукой, и еще трое полицейских начали оттеснять толпу от узкого прохода, ведущего на ночную улицу. Там уже подрагивал на холостом ходу похожий на ракету роскошный и дорогой «Роллс-Ройс». Как сердце, подумал Джейсон. Механическое сердце, которое бьется для него одного, для звезды. Ну и еще для Хизер.

Она это заслужила. Сегодня она пела хорошо. Почти как... Джейсон непроизвольно

улыбнулся. Черт, надо смотреть правде в глаза. Люди включают трехмерные цветные телевизоры не для того, чтобы увидеть приглашенную знаменитость. Таких знаменитостей по всей Земле не меньше тысячи, и еще несколько в марсианских колониях.

Они включают телевизоры, чтобы увидеть меня. И я всегда там. Джейсон Тавернер еще никогда не разочаровывал своих поклонников. И никогда их не разочарует. Впрочем, Хизер относилась к своим почитателям по-другому.

— Ты их не любишь, — произнес Джейсон, продираясь по пропахшему потом коридору, — потому что ты не любишь себя. В глубине души ты думаешь, что у них плохой вкус.

— Идиоты, — проворчала Хизер и тихо выругалась, когда ее огромная шляпа с висячими полями навсегда исчезла в китовом брюхе наседающей толпы.

— Они — обычные, — прокричал Джейсон ей в ухо, едва не потерявшись в густой копне сверкающих рыжих локонов. Знаменитый каскад ее волос давно и успешно копировали во всех салонах красоты.

— Не люблю этого слова, — резко ответила Хизер.

— Обычные, — повторил Джейсон. — И глупые. Потому что, — он ущипнул ее за мочку уха, — это одно и то же. Правильно?

— О господи, — вздохнула она, — как я хочу оказаться в корабле, летящем через бездну. Бесконечную пустоту. Чтобы не слышать этих воплей, не видеть челюстей, жующих разноцветные жвачки.

— Ты их в самом деле ненавидишь.

— Ненавижу. Так же, как и ты. — Она на мгновение остановилась и повернулась к нему. — Ты ведь прекрасно понимаешь, что твой чертов голос давно пропал. Ты спекулируешь на прошедшей славе, которую тебе никогда не вернуть. — Неожиданно Хизер улыбнулась. Нежно. — Стареем, наверное? — донеслось до него сквозь рев и визг толпы. — Вместе. Как муж и жена.

— Шестые не стареют, — проворчал Джейсон.

— Еще как стареют! — Протянув руку, она потрепала его по волнистым каштановым волосам. — Сколько ты их уже красишь, дорогуша? Год? Три?

— Садись в машину, — приказал он, выводя ее из здания на тротуар Голливудского бульвара.

— Сяду — если ты возьмешь верхнее сиденье. Только чисто. Помнишь, как ты...

Джейсон силой запихнул ее в автомобиль, с трудом втиснулся следом и помог Алу Блиссу захлопнуть дверь. Спустя мгновение они поднялись в затянутое дождевыми тучами ночное

небо. Огромное сияющее небо Лос-Анджелеса, яркое, как в самый ясный полдень. Вот что оно означает для тебя и для меня, подумал Джейсон. Для нас двоих, сколько бы ни прошло времени. Всегда будет так, как сейчас, потому что мы — шестые. Мы оба. Независимо от того, догадываются об этом другие или нет.

А они не догадываются, мрачно отметил он, наслаждаясь черным юмором этой мысли. Ибо то, что знали они, не знал больше никто. Так было задумано. Изначально. Даже сейчас, когда все пошло кувырком... По крайней мере с точки зрения дизайнеров. Великих браминов, которые все рассчитали и... просчитались. Сорок пять лет назад, когда мир был молод и капельки дождя сверкали на давно исчезнувших японских вишнях Вашингтона, округ Колумбия. И сам благородный эксперимент пах весной. Хотя и недолго.

— Давай полетим в Цюрих.

— Я очень устала, — откликнулась Хизер. — К тому же это место ужасно меня утомляет.

— Дом? — недоверчиво переспросил Джейсон. Хизер сама выбирала его для них двоих, после чего они уехали на несколько лет... главным образом из-за поклонников, которых она так ненавидела.

— Да, дом, — повторила она со вздохом. — Швейцарские часы. Хлеб. Булыжные мостовые. Снег на холмах.

— Горы, — задумчиво произнес Джейсон. — Ладно, черт побери, тогда я полечу без тебя.

— Возьмешь с собой кого-нибудь? — Этого он просто не мог понять.

— Ты что, хочешь, чтобы я кого-нибудь с собой взял?

— С твоим знаменитым магнетизмом, с твоим шармом... Любая девчонка запрыгнет в твою огромную медную кровать. Правда, там от тебя не много толку.

— О боже, — с отвращением воскликнул он. — Опять твои старые фантазии. И заметь, чем они нелепее, тем упорнее ты за них цепляешься.

Повернувшись к нему, Хизер произнесла:

— Ты ведь знаешь, как ты выглядишь. Не смотря на свои годы. Ты красив. Тридцать миллионов человек таращатся на тебя ровно час в неделю. Их не волнует твое пение. Они любят твою неотразимую красоту.

— То же самое можно сказать и про тебя, — едко проворчал Джейсон. — Ему вдруг захотелось быстрее оказаться в тихом, безмолвном пригороде Цюриха, словно ждущем, когда они снова приедут. Казалось, сам дом хотел, чтобы они остались. Не на ночь, не на неделю, а навсегда.

— Я выгляжу молодо, — ответила Хизер. Он внимательно посмотрел на нее. Волна рыжих волос, бледная кожа с веснушками, сильный